

А. А. Васильев. Фрагмент картины «Портрет художника
Алексея Егоровича Егорова», 1845 г.

Вступление

I

До того мы, Господи, пред Тобою грешны,
Что на белый свет поглядеть стыдно.

До чего же Тебе с нами трудно! —
А ведь вся земная твердь
У Тебя — что порошок.

Не хотим Тебе помочь,
Лишь грехи свои множим...
Закрываем глаза руками,
Чтобы ангелов Твоих не видеть.
Горстка праха в руке
Всех чудес Твоих нам дороже.

Как печально на земле,
И как больно!
Плачут люди день-деньской,
И ангелы плачут с ними.

Кто же плачущих ангелов утешит?
Кто работу им даст

По плечу, по размаху крыльев,
Чтоб они в земной печали не скучали...

II

Снится бабочке, что она —
Седовласый Чжуан-мудрец,
Апельсиновой роще
Снятся приволжские степи...
Смуглоскулые люди гонят стада овец...
На край Вселенной
Ты можешь забросить меня,
И все равно найдешь,
И возвратишь в свои объятия.
Родимый! Кроме Тебя,
Ничего не хочу знать я.
Ты песнь моя,
Нескончаемое изумление.
Не насытится слышаньем слух,
И глаз не насытится зреньем.

Часть первая

Глава I

Как во дни пугачевского бунта
Захотели калмыки бежать
От недоброй царской власти.
Погрузились в тысячи кибиток,
Устремились на Восток,
В страну, где царит правда.
Ах калмыки! На земле не найти правды.
Нет ее на Востоке
И на Западе тоже нету.

Как на кочках высоких, на ухабах
Задрожала, запрыгала кибитка —
Выпал из нее Егорушка-младенец.
Тотчас ангелы Божии его подхватили,
Чтоб на землю упав,
Егорушка не ушибся,
Чтоб его колеса тяжелые не задели.

Принесли Егорушку ангелы
В улус опустелый,

Нежили его, пели ему колыбельные песни.
Молоком поили,
Кормили медовой кашей.
Слаще ангельской пищи
Только ангельская ласка.

А тем часом прознали власти,
Что калмыки надумали искать правды.
Воспылали на них лютой злобой.
(В царстве лжи самое слово «правда» ненавистно).
Посылали в погоню за ними казаков,

Даже тут налгать изловчились:
— Как бы им, калмыкам,
В тех степях не потеряться.
Да и где же им еще найти счастье,
Ежели не под нашим игом?

...А как только приблизились к шатру казачьи кони,
Перестал Егорушка ангелов видеть.
Испугался он, завопил,
Заплакал горько.
Да и скоро утешился —
Входят в шатер люди,
И глазам не верят:
По всему видать, что давно покинуто становье,
А в шатре сидит
Румяный круглощекий младенец,
И уже не плачет,
А тянет к ним ручонки.

Умилились Егорушке бородатые казаки,
Целовали его, прижимали к сердцу,
Порешили везти в Москву —
В воспитательный дом пристроить.
Там и кормить будут,
И научат, чему надо.

Добрались, наконец, до Москвы,
До Крестьянской заставы,
Сели в трактире, рядят да судят:
— На Москве сиротских домов,
Почитай, с десяток!
Как бы выбрать для него, голубчика, самый лучший,
Где не держат сироток впроголодь,
Не секут слишком больно,
Где не мрут они в грязи
От заразных болезней.

Тут распахивается дверь
И в трактир входит
Батюшка-поп, до того осанистый и важный —
Борода густая, крест на персях сияет.

Все трактирные пришли в великое смущенье.
— Это ж наш отец Михаил, настоятель.
Сроду он в трактир не хаживал.
Вот бутылки с вином отменным
Ко всем праздникам принимались благосклонно.

Говорит отец Михаил:
— Шел я мимо, дети,

Слышу, спор идет горячий,
Как бы не дошло до драки!
И решил стать судьёю
В вашем споре.

— Батюшка, тебя нам ангелы послали! —
Закричали обрадованные казаки.
Изложили ему свое дело,
А он отвечает важно:
— На Москве все сиротские дома
Один другого лучше.
Может ли быть иначе под государевым попеченьем?
Да вот только ни один из них не сравнится
С тем, что в нашем приходе,
В десяти шагах отсюда.
Все трудящиеся в нем —
Духовные мои чада.
Будь я сам сиротой —
Не желал бы лучшей заботы.

Взял он Егорушку на руки,
Тот его, как мать родную, обнял —
И отправились в путь. А казаки
Крестятся им вослед
И Бога славят.

А наутро стучит к настоятелю келейник:
— Дожидают тебя, батюшка,
Из воспитательного дома.
Ты им сам, говорят, в этот час
Прийти назначил,

Дабы день избрать
Для крестин подходящий.

— Сам назначил? Какие крестины?

— Обретенного в степях калмыцкого младенца,
Коего накануне ты им лично доставил.

У отца Михаила мороз пошел по коже,
Аж власы на голове зашевелились.
Он же после службы
Не то что не выходил за ограду,
А, напротив, поскорее у себя затворился,
Чтобы всласть побеседовать с заветной бутылью.
Господи Иисусе! Есть на свете бедолаги,
Что гуляют во сне,
Аж по краю крыши ходят.
А проснувшись, начисто ничего не помнят.
Мог и я по грехам своим угодить в их кумпанью!
Но откуда младенец? Да еще калмыцкий?

Как сознаться? Господи! Упаси от позора!
Сжался, смилуйся! Ты ведь все можешь!

Встал он, приосанился,
Кивнул важно.

— Ну, проси гостей!

А сам раскрывает Святцы.

— Что же! Завтра у нас Алексий, человек Божий.
Лучшего имечка и искать не надо.

Те обрадовались:
— Какая удача! Повар наш Егорий Егоров
Восприемником быть хочет.
А по бабушке он как раз Алексеич.

Так Егорушка в первый раз побывал в церкви.
До того ему, голубчику, там хорошо показалось!
А как стал подрастать,
Ума не приложат, что с ним делать —
Не силком же уводить мальчонку из храма.

С той поры, как стал он различать
Между сном и явью,
Ангелы ему только во сне являлись,
Наяву они, само собой, его не покидали,
Но незримо.
Ну а в храме Божьем ангелам куда как привольно.
Заберутся под самый купол
И светят оттуда очами.
А Егорушка стоит внизу
И весь от счастья сияет.
А на Пасху раз —
Пяти годков еще не сровнялось —
Раздобыл уголек
И на стене сарая побеленной
Начертал, да так красиво и ровно:
— Христось Воскресе!

Отвели Егорушку к детишкам постарше,
Стал он с ними учиться и грамоте, и счету.

И однажды, когда все из класса вышли,
Подтащил скамейку под грифельную доску,
Взобрался с ногами,
Схватил кусок мелу
И таких двух ангелов нарисовал,
Словно целый век рисовать учился.

Весь сиротский дом сбежался
Теми ангелами любоваться.
А Егорушка нисколько не гордится,
А смеется и от радости пляшет.
— Ну, голубчик, рисуй себе вволю.
Хоть и дорога бумага, будет тебе и бумага.
А уж мелом — рисуй где тебе угодно.

А в столице уже рескрипт готовят
И во все концы рассылают.
Велено выявлять к рисованью способных
И везти в Петербург в Академию художеств.

Повезло Егорушке —
Попал под рескрипт под свежий.
Свежий-то рескрипт всегда исправно выполняют,
А через год про него и позабыть могут.
.....
.....

До чего же в Академии прекрасно!
Вся она — как сказочный город.
А каким наукам там учат!
Да они лучше любых сказок.

А. Е. Егоров «Автопортрет» (в юношеском возрасте), 1803 г.

Учителя Егорушкой довольны,
Сам все схватывает,
Ничего объяснять не надо.
Только вот француз порой смеется:
— Правильно говоришь, да вот с большим опозданием,
Так, поди, пятьсот лет назад говорили.

Дни идут неспешно,
И каждый новый день сулит радость.
Но подкралась к Егорушке тревога.
Видит он — за окнами все темнее, да темнее.
В темноте встаем,
В темноте гулять выходим,
Солнышко неяркое только взошло —
И уже его нету.
— Что же с нами будет, Илья Матвевич? —
Спрашивает у наставника Егоров.
— Неужели совсем во тьму погрузимся,
Будем жить со свечками да с луною?

— Потерпи, Алешенька, — отвечал наставник —
Вот пройдет столько-то да столько-то денечков,
Свет начнет прибывать,
А потом такие светлые дни настанут,
Что и не увидим, как солнце заходит.

Как обрадовался Егорушка:
— Да это же как в Божьем граде:
И языцы спасены во свете его пойдут,
И нощи не будет ту.

Изумился наставник, сказал учителю Закона Божья:
— Калмычонок-то наш попом родился.
Не пойти ли ему по духовной части?

— Что ты, что ты, Матвейч! —
Замахал тот руками.
— Ты не знаешь, как поповский хлеб горек.
А хороший художник сам себе хозяин.
Он и в Церкви сгодится,
И в военном министерстве.

Учится Егорушка, усердствует, рисует.
Гречневую кашу запивает шипучим квасом.
Всех он любит, и все его любят.
И так было бы хорошо,
Когда б не эта птица.

Просыпается Егорушка до того, как зазвенит колокольчик,
А она уже сидит снаружи на оконной раме.
Поскребет по стеклу коготком,
Аж невольно от этого звука.
А потом не то запоет, не то застонет,
Ну до того тоскливо!

А порой они вдвоем приходят:
Та, другая, не поет, не плачет,
Втянет голову, вся сожмется
И дрожит печальным комочком.

— Как же им помочь? Чем же их утешить? —
Думает Егорушка — и наконец догадался.

Встал он тихонько, чтоб не разбудить других ребяташек,
Подошел к окну и сказал птицам:
— Страшно вам, что день ото дня все темнее?
А вы не плачьте, вы терпенья наберитесь.
Скоро станет светлеть,
А потом придет день — такой прекрасный!
Все будут петь от радости,
А ночи совсем не будет.

Глава II

Ночь в Петербурге.
Кому снятся сны, а кто спит без снов.
Кто уснуть мечтает,
Кто Вольтера листает,
А в Михайловском замке
Императора убивают.

Сбрасывает Егорушка одеяло,
Расправляет богатырские плечи,
В Академию пора,
Других учить рисованью.
Самому заодно учиться.
— Далеко до смерти, —
Усмехается Алексей Егорович —
Многому еще успеем научиться.

Пришел — а вся Академия ходуном ходит.
— Занятий не будет.

Михайловский замок. Макет-реконструкция, созданный в архитектурной мастерской О. С. Романова, 1997 г.

В церковь, скорее в церковь!
Государь этой ночью скончался.

— Господи! Отмучился наконец и всех отмучил.
А вторая мысль о себе:
— Ну теперь уж точно в Италию вожденную поеду.

А в церкви народу!
Напирают сзади,
Притиснули Егорушку к колонне.
Вполоборота он на всех смотрит.
Боже Святы́й! Что же у них на лицах!
Ни вымученной скорби,

Ни радости плохо скрываемой.
Переглядываются и сразу глаза в пол опускают.
Священников не видят и не слышат,
Перекреститься вовремя не могут.
Ну, все понятно. И всем все понятно.

Но сколько сегодня народу набежало,
Будто назло.
Вон Рокотов стоит.
Сто лет его тут не видели, да еще в такую рань.
Скрючился весь, на лице гримаса.
Могли бы и привыкнуть, Федор Степанович.
Не первое на вашем веку царевубийство.

А в дверях Ванюха Терebenёв,
Ученик Егорушкин и приятель.
Двадцати лет еще не сровнялось якобинцу.
На роже большими буквами «Долой тиранов».
Эх, Терebenь!
Твоего Людовика судили принародно
И по приговору суда казнили,
А жена и дети убийц не покрывали,
Не говорили, что сам собой умер.
Господи! Ну а вдруг все это правда?
Умирают же люди своей смертью.
Мы были бы счастливы.
Все говорят — Александр добрый.

Голос дьякона под купол уходит.
Никогда я не могу следить за службой.
Всё куда-то мысли уплывают.

Ну их, мысли. Душа сама по себе
Молится и днем, и ночью.
Небо и небо небес Тебя не вмещают,
Тем менее храм сей.
Мартос говорит, что Микеланджело
Ночами в саду молился.
Кто-то ему рассказывал в Риме.

Но я не вижу Мартоса...
А-а, он совсем рядом.
И слезы текут по щекам.
Хоть один тут плачет.
Покойный надавал ему заказов,
Можно сказать, богатым сделал.
Кого же как не его?
У Мартоса своих детей косою десяток,
Да еще полон дом сирот и бобылей убогих.

Но Павел, безумец несчастный!
Да с ним никакой сирота не сравнится.
Жить, зная, что мать отца убила
И тебе ежечасно желает смерти.
Вот и «чти отца и мать»...
А по углам шепчут,
Что он не сын Петра вовсе,
А незнамо чей.

Кто же ты есть, если целая заповедь
Не про тебя писана?
Отверженный Богом?
Как тут не впасть в безумие!

А. Г. Варнек «Портрет скульптора Ивана Петровича Мартоса», 1819 г.

Егорушка взглянул направо и ахнул —
Андрей Воронихин!
Но его же тут не было,
С полминуты назад на этом месте
Стоял какой-то седоволосый барин.
Но это же он, его ни с кем нельзя спутать.
Егоров с ним не знаком,
На выставках только видел,
Царственной его красотой любовался.
Но откуда же взялся?
Ах, не все ли равно!
Господи, как его люблю,
Он Твое чудо.

Крепостным родился, в рабских цепях
Двадцать шесть лет жил,
Художник и зодчий,
Ромм-вольтерьянец потребовал ему свободы,
Стыдно стало хозяину перед Вольтером.

У Егорушки слезы брызнули из глаз.
Мартос увидал и пуще заплакал.
А на улице пожал ему руку, обнял.
— Ты на очереди в Италию, Алексей,
Ты заходи ко мне почаще,
Я тебе их обычаи растолкую,
Поучу итальянскому.
Красивый язык и легкий.
Я чуть не с первого дня все понимал,
Через месяц болтал свободно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru